

Наследие *Моск. правда - 1997 - Моск. 19* Булгаковский почерк

В последнее десятилетие в России опубликовано немало произведений **Михаила Булгакова**, ранее печатавшихся с цензурными изъятиями или запрещенных вовсе. Множество изданий выдержали «Собачье сердце», «Мастер и Маргарита», «Рокочные яйца», «Жизнь господина де Мольера»... Выпущены на родине писателя и сохранившиеся материалы личного характера. Ныне они впервые вышли под одной обложкой - «Дневник. Письма. 1914-1940» (издательство «Современный писатель»). Подготовил и откомментировал тексты известный литератор **Лосев**.

Судьба булгаковского дневника и поныне во многом остается загадочной. До нас дошли лишь записи 1922-1925 годов: конфискованные при обыске, они были возвращены предсовнаркомом А. Рыкову. Однако некоторые источники свидетельствуют, что писатель вел дневник и в другие годы. Сохранились ли эти рукописи? Если да, то где они сейчас? В. Лосев убежден, что неизвестные страницы булгаковского дневника (а возможно, и письма, и художественные сочинения) поныне хранятся в секретных архивах Лубянки. Как известно, за последние годы часть «литературного фонда» ГПУ-НКВД-КГБ была рассекречена, передана в музеи, в общедоступные хранилища. Поклонников литературы, внимательно следящих за подобными «открытиями», ждет еще, по-видимому, немало приятных сюрпризов.

Дневник Булгакова, вплетенный составителем в хронологическую канву эпистолярия, переносит читателя в Москву первых лет нэпа. Многие темы, мельком затронутые писателем в дневнике, были затем подробно разработаны в рассказах и фельетонах. Записи о «торговом ренессансе» в столице, о взрыве пороха в охотничьем магазине на Неглинной, о пуске первого автобуса напоминают выдержки из репортерского блокнота. В те годы Булгаков был штатным корреспондентом «Гудка», где, между прочим, подвизались такие будущие корифеи, как Ю. Олеша, И. Ильф, В. Катаев. Работа в газете была веселой, но изнурительной. В 1923 году автор дневника даже раскаивается в том, что «бросил медицину и обрек себя на неверное существование», однако тут же замечает: «Только любовь к литературе была причиной этого». Интересны и политические суждения Булгакова - например, о том, что «мир раскалывается на две части - коммунизм и фашизм». Это записано в сентябре 1923 года! Комментатор, вообще не скупящийся на комплименты своему герою, особенно отмечает пронизательность Михаила Афанасьевича в вопросах политики.

Кроме того, В. Лосев полагает, что острая дискуссия о творчестве Булгакова, переросшая к концу 20-х в беззастенчивую травлю писателя, проходила под знаком антирусских тенденций в искусстве. Причем проповедовались эти тенденции не только советскими критиками-космополитами, но и некоторыми непатри-

отичными эмигрантами, чьи «визгливые и глумливые либерально-демократические голоса» раздавались из Парижа, Праги, Берлина и других мировых столиц. Как видно из приведенной цитаты, автор комментариев порою не прочь перейти от филологии к публицистике...

Но все же главное «блюдо» книги - письма Булгакова. Все они, за редким исключением, уже публиковались (было даже отдельное издание). Их блестящий литературный почерк, несмотря на жанровые различия, легко узнаваем. Здесь письма деловые, дружеские, официальные, шуточные. К Станиславскому и Волошину. К Горькому и Вереса-

еву. Есть письма трем любимым женщинам писателя, бывших поочередно его женами. Есть письмо главному чекисту страны Г. Ягоде. Есть, наконец, знаменитые письма Сталину, в которых сконцентрирована вся жизнь Булгакова в конце 20-х - середине 30-х, его тяжелейшая борьба за честное литературное имя.

Не секрет, что Сталину очень нравилась пьеса «Дни Турбиных». Он десятки раз смотрел ее во МХАТе. Когда пьеса была снята с репертуара, а на автора обрушились потоки газетной брани, Сталин лично позвонил Булгакову и пообещал помощь. После этого травля слегка утихла, а спустя два года пьеса была возобновлена на сцене и выдержала при жизни автора более 500 постановок. Однако все остальные пьесы Булгакова, написанные в те годы (за исключением инсценировки «Мертвых душ»), были запрещены. Начиная с 1929 года писатель не раз письменно обращался к генсеку с просьбой отпустить его за границу как «неисправимого», но неизменно получал отказ. В 1939 году Булгаков начинает «с увлечением» (по оценке В. Лосева) работать над пьесой о... революционной юности Сталина. Но и этой, весьма сомнительной идее не суждено было воплотиться на советских подмостках...

Многие исследователи задавались вопросом: почему Сталин так благоволил к Булгакову, создателю явно «контрреволюционных» произведений? В интерпретации В. Лосева всеисильный правитель СССР оказывается защитником великого писателя, затравленного «злыми людьми». Этим людям, подчеркивает комментатор, были глубоко безразличны проблемы «русского национального самосознания», пронизывающие все булгаковское творчество. Заметим также, что эти «злые люди» почти в полном составе были истреблены в конце 30-х. Именно тогда в политике (да и в эстетике) страны Советов окончательно сложился неомперский стиль, пришедший на смену интернационалистской идеологии 20-х. Булгаковские офицеры - красивые парни в красивых мундирах - косвенно способствовали пробуждению в советском обществе великодержавных идей. Возможно, именно это и восхищало Сталина в пьесе «Дни Турбиных». Постичь более тонкие художественные нюансы этого произведения вождь народов был не в состоянии.

Андрей МИРОШКИН.